

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/63/7

Я. Д. Чечнёв

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва*

**Вагинов и античность:
эллинистический Филострат в условиях становления нового быта ***

Вагинов и античность – тема, недостаточно освещенная в современном литературоведении. Некоторые ее аспекты не были тщательно проработаны исследователями, отсюда и необходимость разбора той ее части, которая касается образа Филострата в творчестве писателя. Исследователями отмечалась связь этого персонажа с деятелями второй софистики, однако, на наш взгляд, такое сближение не совсем корректно. Рассматривается влияние наиболее вероятного источника, послужившего основой для образа Филострата, – книги Уолтера Патера «Воображаемые портреты». Также прослеживается связь Филострата с вечными топосами, такими как Дионис и Аполлон, и описывается его роль в жизни других персонажей ранней прозы и первого романа писателя в период с объявления военного коммунизма по начало первой пятилетки.

Ключевые слова: Вагинов, античность, Петербург, Филострат, эллинизм, гений места, Анциферов.

Один из героев романного творчества Константина Вагинова полагал, что филологическое образование и наличие интересов отличает «прежних» людей (дореволюционную интеллигенцию) от нового населения послевоенного Петрограда, от тех «постояльцев» (Н. Заболоцкий), которые создали принципиально отличную культуру в условиях разрушающегося гения места Северной Пальмиры [Вагинов, 1991, с. 87]. *Genius loci* Петрополя, его были и мифу посвятил свою знаменитую трилогию выдающийся историк, краевед, учитель К. К. Вагинова в Институте истории искусств Н. П. Анциферов. Гением места ученый называл видимое воплощение материального – то есть саму местность, какой она является в действительности и каким образом (через форму земли, наклон улиц, архитектуру, звуки и т. п.) она о себе повествует [Анциферов, 1991, с. 19–20].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-18-02709) в ИМЛИ РАН.

Чечнёв Яков Дмитриевич – аспирант Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ул. Поварская 25А, Москва, 121069, Россия; ya.d.chechnev@yandex.ru)

По свидетельствам современников Вагинова (см., например, воспоминания В. Ф. Ходасевича, А. Н. Остроумовой-Лебедевой, М. В. Добужинского и др.) Петербург «умирал красиво». В начале 20-х гг. XX в. куда-то совершенно провалилось «чрево» города: Петрополь словно омылся. Среди небывалых закатов остались одни дома и призраки божеств, некогда их населявшие (см. стихотворения Вагинова «Я встал пошатываясь и пошел по стенке», «От берегов на берег» и др.) [Вагинов, 2012, с. 54, 123]. Образ умирающего города, «уходящей под землю родины», определяли протяженные репрезентативные фасады многочисленных бывших дворцов, административных зданий, казарм, обывательских построек, нередко украшенные колоннами и статуями [Лавров, Перов, 2016]. Они напоминали писателю о связи с европейскими городами, а также о более глубинных соотношениях с причудливо «преломленной» античностью. «Снова весна. Снова встречи у барочных, неоримских, неогреческих архитектурных островов (зданий)», — замечает повествователь «Козлиной песни» [Вагинов, 1991, с. 102].

Античность Вагинов любил и знал: неоднократно обращался к ней в лирике (см.: «Палец мой сияет звездой Вифлеема...», «Поэма квадратов», «Эллинисты», «Шумит Родос, не спит Александрия...» и др.) [Вагинов, 2012, с. 54–55, 69–71, 121–122, 74–75] и в прозе («Монастырь Господа нашего Аполлона», 1922; «Звезда Вифлеема», 1922; «Козлиная песнь» 1926–1927, 1929 и др.) [Вагинов, 1991]. Во второй половине 1920-х гг. писатель участвовал в деятельности кружка молодых ученых-эллинистов АБДЕМ (А. В. Болдырев, А. И. Доватур, А. Н. Егунов, А. М. Миханков, Э. Э. Визель), на домашних семинарах которого читались и переводились с листа трагедии Эсхила и Софокла, сочинения Лонга и Страбона, обсуждалось творчество Полициано [Никольская, Эрль, 2002, с. 186]. Сам Вагинов начал заниматься греческим языком под руководством А. Н. Егунова (в истории литературы он известен под псевдонимом Андрей Николев), пробовал переводить «Дафниса и Хлою» Лонга и «Любовные письма» Аристенета [Вагинов, 2012, с. 190].

Обширен круг чтения античных авторов и у героев вагиновских романов. На страницах произведений читатель может встретить Каллимаха (ок. 310 – после 245 г. до н. э.), греческого поэта, представителя александрийской школы; Петрония Арбитра (ум. в 66 г. н. э.), автора знаменитого «Сатирикона», который, как уверяет своего собутыльника Евгений из романа «Бамбочада» (1929–1930), ел «комариные брови в сметане» [Вагинов, 1991, с. 227]; Марка Аврелия (121–180 гг. н. э.); Бозция (ок. 480 – 524 г. н. э.), римского философа-неоплатоника; Светония (ок. 69 г. н. э. – ?), древнеримского писателя, автора книги «Жизнь двенадцати цезарей»; Флавия Филострата (ок. 178 – ок. 248 г. н. э.), написавшего по желанию Юлии Домны книгу о жизни философа-неопифагорейца Аполлония Тианского (I в. н. э.), которого «язычники... сопоставляли с Иисусом Христом» [Реальный словарь..., 1885, с. 115–116].

Имя Аполлония встречается несколько раз в «Козлиной песне». Рассказчик, трехпалое существо, играющее на сцене вместе со своими актерами (см. послесловие романа), упоминает его в разговоре с букинистом: «Нет ли у вас случайно Филострата “Жизнь Аполлония Тианского”?» [Там же, с. 86]. Греческий философ также предстает как видение неизвестного поэта. После употреблений кокаина в туалете одного из ресторанов зал для последнего превращался в «Авернское озеро, окруженное обрывистыми, поросшими дремучими лесами, берегами», где ему «как-то явилась тень Аполлония» [Там же, с. 18].

Имя автора сочинения о философе-неопифагорейце стало в творчестве Вагинова нарицательным: в художественном мире писателя Филострат предстал своеобразной символической фигурой уходящего поколения дореволюционных представителей петербургской элиты. Стоит отметить, что этот образ вместил в себя писательские интенции относительно античной культуры, на связь с которой ука-

зывало архитектурное и культурное наполнение Петербурга, увлечение коллекционированием различных диковинок и древностей, а также отроческий круг чтения, в который, помимо сочинений Шарля Бодлера и Э. А. По, входили Овидий, Эдуард Гиббон и Уолтер Патер. Книга последнего – «Воображаемые портреты» – по словам супруги писателя являлась «одним из главных источников творчества К. К. (Константина Константиновича. – Я. Ч.)». Книгу эту Александра Ивановича «сохранила и продала в библиотеку ЛГУ» [Вагинова, 1992].

Образ Дэниса Оксеррского из «Воображаемых портретов», как нам кажется, дал серьезный импульс для создания самостоятельного персонажа, черты которого «рассыпаны» по ранним прозаическим наброскам, поэтическим сочинениям и первому роману Вагинова.

Рассказчик легенды о Дэнисе (по-видимому, художник) приезжает во французский город Оксерр (современный французский Осер), в котором «следы различных эпох и живые черты современности гармонически сливаются в одно целое, поражающее “специфической” своей красотой» [Патер, 1916, с. 61]. Приезжает он для того, чтобы провести выходные и найти «сюжет, для него созданный». В один из дождливых дней, лишивших рассказчика возможности совершить дальнюю прогулку, он заходит в лавку к антиквару, где находит поразительную вещь: «большой блестящий осколок цветного стекла, который быть может попал сюда из самого собора». [Там же, с. 66]. Рассказчик видит изображение фигуры молодого прекрасного юноши, не похожего на известные ему церковные образы. Фигура занимает главенствующую роль в цикле изображений. На расспросы о происхождении образа антиквар не дает ответа и направляет рассказчика к священнику соседнего селения, у которого хранится целый ряд ковров (или гобеленов), изображающих все то, частью чего является фигура на цветном стекле.

В доме священника рассказчик увидел следующее:

Несомненно, эти ковры и то цветное стекло касались одной и той же общей темы. И там, и здесь были одни и те же музыкальные инструменты – свирели, цимбалы, длинные, похожие на тростник дудки. По-видимому, дело шло о сооружении органа <...> На нескольких вытканых картинах слушатели казались восхищенными, некоторые же из них исступленно ликующими при звуках органной музыки. В самом деле, какое-то исступление проступало сквозь нежную пестроту всего цикла, – сквозь головокружительные пляски, скакание диких зверей, сквозь гирлянды виноградных листьев, *связывавшие, как затейливый арабеск, различные изображения одной часто повторяемой фигуры* (курсив наш. – Я. Ч.), перенесенной сюда из прозрачных красок стекла в более печальные и мутные и землистые оттенки шелковой пряжи [Там же, с. 67–68].

Часто повторяемой фигурой был Дэнис Оксеррский, создатель необычного органа, посредством музыки управляющий (судя по головокружительным пляскам, исступленному ликованию и «скаканию» сквозь гирлянды виноградных листьев) не только людьми, но и всем новосозданным порядком, собственным космосом, частью которого являются веселящиеся люди и звери. В творчестве Вагинова тоже есть подобный мотив части целого:

Мы только атомы его тела,
Такие же части, как деревьев толпа.
Такие части, как кирпич и трубы,
Ничем не лучше забытых мостов над рекой...
[Вагинов, 2012, с. 37]

Герои «Козлиной песни» ощущают себя включенными в некое космическое существо, «одушевленно-разумный космологизм» (А. Ф. Лосев):

В этом неожиданном возвращении лета мне кажется, что мои герои мнят себя частью некоего Филострата, осыпающегося вместе с последними осенними листьями, падающего вместе с домами на набережную, разрушающегося вместе с прежними людьми [Вагинов, 1991, с. 81].

Подобный смысл можно углядеть и в стихах неизвестного поэта, героя того же романа: «Я Филострат, ты часть моя / Соединиться нам пора...» [Вагинов, 2012, с. 130].

С другой стороны, упоминание о виноградных листьях вместе с музыкой, иступленным ликованием и плясками отсылает нас к мифологическому сказанию о Дионисе. В фундаментальной научной энциклопедии «Мифы народов мира» (1980) статью о нем написал А. Ф. Лосев [Лосев, 2008]. По его словам, везде, где бы не появился Дионис, он обучает людей виноградарству и виноделию, освобождает их от мирских забот, снимает с них путы размеренного быта, приводит в веселие, а иногда в экстаз, доходящий до неистовства. Уолтер Патер в «Воображаемых портретах» описывает Дэниса как «великого хозяина винограда», влюбленного в плодородие «во всех его проявлениях» [Патер, 1916, с. 79]. Дэнис играет в пасхальном моралите роль бога вина, который вернулся в ликование с Востока и даже основывает школу «для всех разнообразных художников», которых учит искусству, особенно изобразительному. Один из антагонистов Дэниса – монах Эрмий – глядя на занятия своего противника, несколько раз упоминает «бога вина, который побывал в аду» [Там же, с. 78, 81, 83]. Также Дэнис оказывает сильнейшее влияние на все виды искусств, его окружающие [Там же, с. 86]. Под его руководством немногочисленные художники, трудившиеся над украшением собора и других зданий города замкнутым кружком, стали «своего рода аристократией» [Там же, с. 81].

У Вагинова мы тоже найдем подобные мотивы. В «Монастыре Господа нашего Аполлона» создается поэтическая школа для врачевания светоносного Феба, пострадавшего от открытий физики, химии и механики. Члены кружка полагают, что стихотворчеством возможно вылечить умирающего бога искусства. В другом произведении – поэме «1925 год» – начальник цеха, подобно монаху Эрмию, упрекает «синьоров» в язычестве:

Избрали греческие имена синьоры,
Ушли из города, засели в замке,
Поэзию над смертью развели
И музыкой от дел нас отвлекают
<...>
Поэт под нежностью подносит нам оскал,
Под вычурами мыслью жалит,
А музыкант иною жизнью полн,
Языческою музыкой ласкает...
[Вагинов, 2012, с. 107–108]

Следует отметить, что мысль о влиянии Дэниса Оксеррского на все виды искусств, по-видимому, не была чужда Вагинову. В этом контексте упоминание Аполлона не случайно. Несмотря на кажимость противостояния в мифологических сказаниях Феба и Вакха, в художественном мире Вагинова они не выступают как противоречивые части целого. Филострат служит всем античным богам одновременно. Вакх дает ему экстаз, прозрение:

И дремлют львы, как изваянья,
И чудный Вакха голос звал
Меня в свои укромные пещеры,
Где все во всем открылось бы очам
[Вагинов, 2012, с. 99].

Аполлон врачует его душу искусствами [Там же, с. 109], погружает в высокий сон мимолетного «прекрасного»:

Вкруг Аполлона пляшем мы,
В высокий сон погружены,
И понимаем, что нас нет,
Что мы словесный только бред
Того, кто там в окне сидит
С молочницею говорит
[Там же, с. 127].

Венера – укрепляет любовные узы [Там же, с. 109].

Такая общая помощь античных богов, как нам кажется, связана не с мистическими исканиями русских символистов, для которых Дионис и Аполлон были, с подачи Ницше, двумя противоборствующими стихиями, а с общей ситуацией, в которой оказался город на переломе двух эпох. В условиях деградации культуры всё и вся (и «прежние» люди, и «прежние» боги) находились в одной дрейфующей среди бушующего моря Революции «культурной» лодке.

В революционном и постреволюционном Петербурге оставалось все меньше и меньше очагов античной культуры. Среди «кумачной бури» особым местом был Летний сад, в котором статуи богов – Юпитера, Меркурия, Вакха, Аполлона, Венеры и др. – сосуществовали в гармоничном единстве. Это любимое детище Петра могло подсказать Вагину оригинальную мысль объединения богов ради будущего существования «чистого» искусства, служителем которого Филострат является в том числе. Справедливость нашей гипотезы подтверждает неоднократное упоминание в поэтическом творчестве Вагинова Летнего сада вкупе со статуями:

У милых ног венецианских статуй
Проплакать ночь, проплакать до утра
И выйти на Неву в туман, туман косматый
Где ветер ржет и бьет и скачет у костра
Табун, табун ветров копытами затопчет
Мой малый дом, мой тихий Петербург
И Летний сад и липовые почки
И залетевшую со Стрелки стрекозу
[Там же, с. 47].

(см. также: «С Антиохией в пальце шел по улице...», «У каждого во рту нога его соседа...», «Нет, не люблю закат пойдемте дальше, Лида...», «И все ж я неживой под кущей Аполлона...», «Любовь опять томит, весенний запах нежен...» и др. [Там же, с. 49, 58–59, 61, 63, 78]).

Другим особенно важным «античным» источником был Эрмитаж. «Злой поднялся с белоснежной постели [неизвестный поэт] и пошел в Эрмитаж статуи рассматривать» [Вагинов, 1991]. Однако упоминаний самого известного музея России в связи с античностью в творчестве Вагинова существенно меньше по сравнению с Летним садом. Эрмитаж для писателя выступает скорее как «ковчег» культуры, а не средоточие эллинской пластики.

Филострат у Вагинова выполняет роль своеобразного медиатора между миром «прежних» людей и миром античных богов, существом одухотворенным, полубогом, вроде Геракла. Как божество, он находится рядом с вечностью. Вагинов рисует его великаном, космическим телом, посредством которого земля может быть связана с небом: «От земли до неба стоит Филострат. На плечи его накинута пурпурная плащ, ноги утопают в болоте, голова окружена пречистыми звездами» [Вагинов, 1991, с. 499]. В человеческом облике он так же молод, как Дэнис Оксеррский у Уолтера Патера: «Неизреченной музыкой было полно все существо Филострата, прекрасные юношеские глаза под крылами ресниц смеялись, длинные пальцы, унизанные кольцами, держали табличку и стиль» [Там же, с. 16].

Образ Филострата связан с идеей о Петербурге как о Четвертом Риме. «Мы в Риме! <...> Несомненно в Риме и в опьянении» [Там же, с. 87]. Этот Рим приносит с собой Филострат: «...тонкий юноша с чудными глазами, оттененными крылами ресниц, в ниспадающих одеждах, в лавровом венке – пел, а за ним шумели оливковые рощи. И, качаясь, призрак Рима вставал» [Там же, с. 58]. Александра Ивановна Вагинова указывает на важность этой идеи для писателя [Вагинова, 1992]. Но Четвертый Рим оказывается городом былого величия, былой славы, которая на современном Вагинову этапе истории забыта, «сброшена с корабля» современности «монгольскими пращурами», «новыми вифлеемцами», несущими в «языческий» Питер «новую религиозность» [Рыклин, 2009].

Рядом вечность. Рядом Рим и Александрия. Свист и буря. Где Филострат? Ночь разворачивает крылья над городом. На улицах поднятые ноги обглоданных лошадей прорезают небо. В чревах их дрожат собачьи хвосты. Вокруг растекшиеся люди дерутся за мякоть [Вагинов, 1991, с. 498].

Для характеристики жизни «прежних» людей Вагинов неслучайно использует слово «осень», добавляя к нему эпитет «высокая». Его описания родного города, его величия и разрушения, намекают на связь с так называемой поздней античностью, с «периодом поздней Римской империи». Увлекаясь в детстве сочинениями английского историка Эдуарда Гиббона, в частности «Историей упадка и крушения Римской Империи» [Никольская, Эрль, 2002], Вагинов мог перенять его взгляды на исторический процесс того времени. Гиббон полагал, что закат античной цивилизации вызвал целый комплекс причин: «деспотизм императорской власти, усилившийся во времена Септимия Севера (193– 11); вырождение и своеволие римской армии, которая сначала посягнула на свободу Римской республики, а затем на величие императорского пурпура... порожденный богатством и роскошью нравственный упадок римского общества... победоносное нашествие варваров» [Ващева, 2009, с. 221]. Также, по мнению Гиббона, особая вина лежала и на распространившемся христианстве, новая идеология которого обесценила социальные добродетели и последние остатки воинского духа римлян. Справедливости ради нужно отметить, что это положение было оспорено в 1960-е гг. XX в. [Там же, с. 223].

Наблюдая за тем, как большевики разрушают родной город, Вагинов не мог не провести аналогию с «новым» христианством. «Большевизм огромен, что создалось положение, подобное первым векам христианства» [Вагинов, 1991, с. 27]. Недаром он называет пришлое население «новыми вифлеемцами» (см. «Звезда Вифлеема», 1922), построившими «город неопишумый»: «Презирают они меня, и лицо мое, и походку мою, новую религию создают, по утрам дворы не убирают» [Там же, с. 492]. Н. П. Анциферов отмечал, что в Петербурге начала 1920-х гг. «воздвигается только одно новое строение. Гранитный материал для него взят из разрушенной ограды зимнего дворца. Так некогда нарождающийся мир христианства брал для своих базилик колонны и саркофаги храмов древнего мира» [Анциферов, 1991, с. 223]. Если в городе идет разрушение прежней культуры, то

в пригородах Петербурга она еще может получить короткую передышку. Именно туда удаляется Филострат, где старается спасти себя и свою любимую от безумия [Вагинов, 1991, с. 494].

Не любит крови Филострат. Сидеть бы ему в рощах пальмовых, и чтоб солнце заходило и снова вставало, и чтоб рядом были овцы и козы, и чтоб в руке его была свирель, на плече – голова возлюбленной, и чтоб корабли пурпурнопарусные приплывали, и чтоб утром благовониями натираться [Там же, с. 499–500].

После «Козлиной песни» имени Филострата в творчестве Константина Вагинова мы не встретим. Такое забвение одной из ключевых фигур художественного мира 1920-х гг. связано, как нам кажется, с писательским решением обнаружить «живой образ» нового, росшего на глазах города. На месте привычного Петербурга в начале 1930-х гг. закрепился Ленинград, ставший для «трудящихся масс» «колыбелью Революции», «Манчестером на Неве» [Московская, 2010б]. Около десяти лет стоял Вагинов на распутье, наблюдая за тем, как его родина «уходит под землю» [Вагинов, 1991, с. 487], «всецело поглощенный... зрелищем» [Вагинов, 2012, с. 307] погибающей культуры и стремительно изменяющегося гения места. *Genius loci* нового культурного пространства становится уже не Медный Всадник [Анциферов, 1991] или Ангел Александрийского столпа [Московская, 2010а], а завод.

Если когда-то зерном города являлся царский дворец, Акрополь, то теперь зерном города будет являться завод. Вокруг него будут возникать строения, парки, он будет окружен аллеями, мостами,

– замечает один из героев последнего неоконченного романа «Гарпагониана» (1933) [Вагинов, 1991, с. 455]. Тот же самый отрывок анализирует Д. С. Московская в недавней своей статье [2016, с. 298].

Если раньше герои Вагинова пытались приспособиться к новому быту, учились жить в новой политической ситуации – и все равно оставались как бы внутри интеллигентского «цеха», то в 1930-е гг., в частности в «Гарпагониане», появляются принципиально иные персонажи, воспитанные в новой, советской, парадигме, и эти самые персонажи, вроде Клешняка, Вшивой Горки, Ваньки-шофера, Мирового и др., вытесняют «прежних» людей, отчего последним кажется, что они занимают третьестепенную роль в какой-то картине, «определенной бытовыми условиями... политической обстановкой первой четверти XX века» [Вагинов, 1991, с. 450]. Чувство привязанности к определенной исторической эпохе начинает мучить «прежних» людей. Локонов, герой последнего романа Вагинова, определяет такое состояние через образ бабочки, посаженной на булавку [Там же, с. 450].

Вокруг новых «зерен города», обрастающих «домами из стекла и бетона, в языке которых без водочки не разберешься» [Там же, с. 460], обитают уже не Филостраты, а новые Вийоны [Там же, с. 479], разбойники и барды, сочиняющие песни для денежного обогащения. «Но разве брошу я бездушного, безвольного, / Я не раба, я дочь СССР», – говорит одна из героинь сочиненного ими романа, подтверждая свою родственную связь с новым государством, чье название скрывается в загадочных пяти буквах аббревиатуры РСФСР.

Список литературы

Анциферов Н. П. Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга. (Репринт. воспроизведение изд. 1922, 1923, 1924 гг.). М.: Книга: Ред.-изд. центр № 2 «Канон», [1991]. 227, 105, 88 с. (Прил.: Николай Павлович

- Анциферов / Комментар. к факсимильной части Д. С. Лихачев; Сост. К. А. Кумпан, А. М. Конечный. Список переименованных топонимов Петербурга).
- Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы / Вступ. статья Т. Л. Никольской, примеч. Т. Л. Никольской, В. И. Эрля. М.: Современник, 1991. 592 с. (Из наследия).
- Вагинов К. К. Песня. М.: ОГИ, 2012. 368 с.
- Вагинова А. И. Ненаписанные воспоминания. Подготовил С. А. Кибальник // Волга. 1992. № 7-8. С. 146–155.
- Ващева И. Ю. Концепция Поздней античности в современной исторической науке // Вестн. Нижегород. ун-та. 2009. № 6(1). С. 220–231.
- Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. 480 с.
- Кибальник С. А. Материалы К. К. Вагинова в рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегод. рукопис. отд. Пушкинского Дома на 1991 г. СПб.: Наука, 1994.
- Лавров Л. П., Перов Ф. В. «Genius loci» под слоем штукатурки // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 15. 2016. Вып. 1. С. 98–120.
- Московская Д. С. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М.: ИМЛИ РАН, 2010а.
- Московская Д. С. Финал «ленинградской сказки» Константина Вагинова // Вестник славянских культур. 2010б. Вып. 4(XVIII). С. 54–60.
- Московская Д. С. Проблемы урбанизма в историко-литературном процессе 1930-х гг. (Н. П. Анциферов и А. А. Золотарев в издательском проекте «История русских городов как история русского быта». По архивным материалам) // Studia Litterarum. 2016. Т. 1, № 1-2. С. 286–302.
- Никольская Т. Л., Эрль В. И. Жизнь и поэзия Константина Вагинова // Никольская Т. Л. Авангард и окрестности. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002.
- Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки: В 2 кн. М.: Центр-полиграф, 2003. 1056 с.
- Патер У. Воображаемые портреты / Пер. и вступит. ст. П. Муратова. М.: Изд-во К. Некрасова, 1916. 248 с.
- Реальный словарь классических древностей по Любкеру. Изд. О-ва классической филол. и педагогики. СПб., 1885.
- Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. М.: НЛЮ, 2009. 136 с.
- Ходасевич В. Ф. Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954.

Ya. D. Chechnev

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
ya.d.chechnev@yandex.ru*

Vaginov and antiquity: Hellene Philostratus in the formation of a new socialist life

Vaginov and antiquity is the subject that is insufficiently illustrated in the literary thought. It is necessary to investigate the images of Philostratus in the work of the writer as some aspects of this topic have not been carefully studied by researchers. Vaginov knew and loved antiquity. Judging by the titles of books that sometimes appear on the pages of his novels, one can say that when Vaginov was only beginning to write, his reading was rather extensive. Of particular influence were the works of Ovid, Charles Baudelaire, Edgar Allan Poe, Edward Gibbon. «The History of the decline and fall of the Roman Empire» excited the mind of a young writer, and thanks to this historical work, the boy got involved in collecting antiquities and coins. The image of Philostratus appears in the works of Vaginov in the early 1920s, partly due to the «Roman» influence of the writings of Gibbon, but mostly because a special impulse of the creative imagina-

tion of the writer was caused by the book «Imaginary portraits» by Walter Pater. Literary scholars, particularly D. M. Segal, noted the connection of Philostratus with the figures of the second sophistry (Apuleius, Lucian, Claudius Elian, etc.), however, in our view, this convergence is not entirely correct. Roman writers and rhetoricians of the second sophistry could have suggested the name and the draping of the character, but the content and the appearance of Philostratus were borrowed from the writings of Walter Pater and subsequently transformed. «Imaginary portraits» are often considered by researchers as an indirect source of imagery of the writer, whereas this book is the key not only to the poetics of Vaginov but also to his aesthetic and philosophical views on the world and nature.

This paper discusses the mechanism of borrowing and specifies the key points in the similarity of the character of Vaginov with the character of Pater. The author traces the correlation of Philostratus with the eternal topoi, such as Dionysus and Apollo, describes his role in the lives of other characters during the formation of the new Soviet – power. In addition, particular attention is paid to toponyms of St. Petersburg, having influenced the writer's love for the antique, particularly Roman, heritage. Among these places, for example, are the Summer garden and the Hermitage. Vaginov sensitively followed the changes of the beloved city, before his eyes «Manchester on the Neva» was born. Significant transformation of the city by the efforts of S. M. Kirov changed the psychology of its population. The old way of life became particularly valuable for the indigenous citizens of St. Petersburg: it was as a snapshot of a bygone era. Vaginov felt the museality of all the events and during the formation of a new life, being influenced by the works and personal acquaintance with N. Antsiferov, acted as a collector of «the fragments of the former life», as a writer and ethnographer.

Keywords: Vaginov, antiquity, Antsiferov, Petersburg, Leningrad, genius loci, Hellenism, Philostratus.

DOI 10.17223/18137083/63/7

References

- Antsiferov N. P. *Dusha Peterburga; Peterburg Dostoyevskogo; Byl' i mif Peterburga* (Reprint. *vosproizvedeniye izd. 1922, 1923, 1924 gg.*) [The soul of St. Petersburg; the Petersburg of Dostoevsky; the Reality and myth of St. Petersburg (Reprint reproduction of 1922, 1923, 1924)]. Moscow, Kniga, Red.-izd. centr no. 2 "Kanon", [1991]. 227, 105, 88 p. (Pril.: Nikolay Pavlovich Antsiferov. Komment. k faksimil'noy chasti D. S. Likhachev; Sost. K. A. Kumpan, A. M. Konechnyy. Spisok pereimenovannykh toponimov Peterburga) [(App.: Nikolai Pavlovich Antsiferov. Comments to the facsimile part of D. S. Likhachev, Comp. by K. A. Kumpan, A. M. Konechnyy. List of renamed toponyms of St. Petersburg)].
- Dobuzhinskiy M. V. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Nauka, 1987, 480 p.
- Khodasevich V. F. *Literaturnyye stat'i i vospominaniya* [Literary articles and memories]. New York, 1954.
- Kibal'nik S. A. Materialy K. K. Vaginova v rukopisnom otdel Pushkinskogo Doma [Materials K. K. Vaginov in the manuscript Department of the Pushkin House]. In: *Ezhegod. rukopis. otd. Pushkinskogo Doma na 1991 g.* [Annual manuscript of Pushkin House department for 1991]. St. Petersburg, Nauka, 1994.
- Lavrov L. P., Perov F. V. "Genius loci" pod slozem shtukaturki ["Genius loci" under a layer of plaster]. *Vestnik of Saint Petersburg Univ. Series 15. Arts.* 2016, iss. 1, pp. 98–120.
- Moskovskaya D. S. N. P. *Antsiferov i khudozhestvennaya mestnografiya russkoy literatury 1920–1930-kh gg.: K istorii vzaimosvyazey russkoy literatury i krayevedeniya* [Antsiferov and artistic localography of Russian literature of the 1920–1930s: On the history of the interrelationships of Russian literature and the province of reference]. Moscow, IMLI RAN, 2010a.
- Moskovskaya D. S. Problemy urbanizma v istoriko-literaturnom protsesse 1930-kh gg. (N. P. Antsiferov i A. A. Zolotarev v izdatel'skom projekte "Istoriya russkikh gorodov kak istoriya russkogo byta". Po arkhivnym materialam) [The urbanism problems in the historico-literary process of the 1930s (N. P. Antsiferov and A. A. Zolotarev in the publishing project "History of Russian cities as a history of Russian life". According to archival materials)]. *Studia Litterarum.* 2016, vol. 1, no. 1-2, pp. 286–302.
- Moskovskaya D. S. Final "Leningradskoy skazki" Konstantina Vaginova [The finale of Konstantin's Vaginov's "Leningrad tales"]. *Bulletin of Slavic Cultures.* 2010b, iss. 4(18), pp. 54–60.

- Nikol'skaya T. L., Erl' V. I. Zhizn' i poeziya Konstantina Vaginova [The life and poetry of Konstantin Vaginov]. In: Nikol'skaya T. L. *Avangard i okrestnosti* [Avangard and surroundings]. St. Petersburg, izd. Ivana Limbaha, 2002.
- Ostroumova-Lebedeva A. P. Aytobiograficheskiye zapiski: V 2 kn. [Autobiographical notes: in 2 books]. Moscow, Tsentr-poligraf, 2003, 1056 p.
- Pater W. *Voobrazhaemye portrety* [Imaginary portraits]. Transl. and intr. by P. Muratova. Moscow, izd. K. Nekrasova, 1916, 248 p.
- Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey po Lyubkeru. Izd. O-va klassiche-skoy filol. i pedagogiki* [A real dictionary of classical antiquities at Lübker. Edition of society of classic philology and pedagogy]. St. Petersburg, 1885, pp. 115–116.
- Ryklin M. *Kommunizm kak religiya: Intellektualy i Oktyabr'skaya revolyutsiya* [Communism as religion: the Intellectuals and the October revolution]. Moscow, NLO, 2009, 136 p.
- Vaginov K. K. *Kozlinaya pesn': Romany* [Goat song: Novels]. Introduction article by T. L. Nikol'skaya, notes by T. L. Nikol'skoy, V. I. Erlya. Moscow, Sovremennik, 1991, 592 p.
- Vaginov K. K. *Pesnya* [Song]. Moscow, OGI, 2012, 368 p.
- Vaginova A. I. *Nenapisannyye vospominaniya* [Unwritten memories]. Prep. by S. A. Kibal'nik. *Volga*. 1992, no. 7-8, pp. 146–155.
- Vashcheva I. Yu. Kontseptsiya Pozdney antichnosti v sovremennoy istoricheskoy nauke [The concept of Late antiquity in modern historical science]. *Vestnik of Lobachevsky Univ. of Nizhni Novgorod. Philological sciences*. 2009, no. 6(1), pp. 220–231.